

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.20>

Игошева Марина Анатольевна

Этническое предпринимательство в условиях современных миграционных процессов: опыт китайской диаспоры в России

Цель исследования - определить особенности этнического предпринимательства представителей китайского сообщества в России. В статье проанализированы последние данные официальной статистики о квалификационной структуре трудовых мигрантов из Китая, рассмотрены сферы их предпринимательской активности в условиях современных миграционных процессов. Показано, что специфика предпринимательской деятельности в России выходцев из Поднебесной характеризуется ее концентрацией в малом бизнесе, носящем преимущественно этнический характер. Научная новизна заключается в анализе этнического предпринимательства как формы экономической активности локальных общностей в инокультурном пространстве на примере китайских трудовых мигрантов. В результате показано, что этническое предпринимательство является эффективным механизмом в процессах экономической адаптации мигрантов в принимающем социуме.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/9/20.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 104-109. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

11. Dyck A. R. A Commentary on Cicero, De officiis. Ann Arbor, MI: The University of Michigan, 1996. 760 p.
12. Fascione L. Crimen e quaestio ambitus nell'eta repubblicana. Milan: A. Giuffre, 1984. 131 p.
13. Freyburger G. Fides: etude semantique et religieuse depuis les origines jusqu' a l'epoque augusteenne. P.: Les Belles Lettres, 1986. 361 p.
14. Kroeze R., Vitoria A., Geltner G. Anticorruption in history. From Antiquity to the Modern Era. N. Y.: Oxford University Press, 2018. 459 p.
15. Linderski J. Buying the Vote: Electoral Corruption in the Late Republic // Roman Questions. Selected Papers. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1995. P. 107-114.
16. Marzano A. Roman Villas in Central Italy: A Social and Economic History. Leiden: Brill, 2007. 832 p.
17. Mouritsen H. Plebs and Politics in the Late Roman Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 367 p.
18. Paul. Sententiae // Iurisprudentiae Anteiustinianae reliquas / ed. by E. Seckel, B. Kubler after Ph. E. Huschke. Leipzig: Teubner, 1911. P. 63-64.
19. Riggsby A. M. Crime and Community in Ciceronian Rome. Austin, TX: University of Texas Press, 1999. 249 p.
20. Suolahti J. The Roman Censors: A Study on Social Structure. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1963. 837 p.

Corruption and Anticorruption Measures in the Context of Socio-Political and Ethical Discourse of the Ancient Roman Republic

Vezlomtsev Viktor Evgenievich, PhD

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan
ve.vezlomtsev@yandex.ru

The paper aims to reveal specificity of corruption manifestations and anti-corruption measures in the ancient Roman Republic taking into account ethical and socio-political context. In contemporary studies on Rome's anticorruption measures, researchers' attention is focused either on certain anticorruption laws or on the ethical aspect of the problem. Even the most fundamental works tend to differentiate actual measures the Romans used to fight corruption and ethical discourse. Considering the above mentioned, the author, having in mind to reveal the essence of anti-corruption measures implemented in that period, contextualizes understanding of corruption and moral decay in the context of the ancient Roman socio-political thought, which constitutes scientific originality of the study. The conducted research allows concluding that anti-corruption measures of the late Roman Republic were aimed at restoring the idealized form of government that accepted and supported the republican values.

Key words and phrases: corruption; anti-corruption measures; moral decay; socio-political discourse; The Roman Republic; ancient Rome.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.20>

Дата поступления рукописи: 31.07.2020

Цель исследования – определить особенности этнического предпринимательства представителей китайского сообщества в России. В статье проанализированы последние данные официальной статистики о квалификационной структуре трудовых мигрантов из Китая, рассмотрены сферы их предпринимательской активности в условиях современных миграционных процессов. Показано, что специфика предпринимательской деятельности в России выходцев из Поднебесной характеризуется ее концентрацией в малом бизнесе, носящем преимущественно этнический характер. **Научная новизна** заключается в анализе этнического предпринимательства как формы экономической активности локальных общностей в инкультурном пространстве на примере китайских трудовых мигрантов. **В результате** показано, что этническое предпринимательство является эффективным механизмом в процессах экономической адаптации мигрантов в принимающем социуме.

Ключевые слова и фразы: этническая идентичность; этническое предпринимательство; миграционные процессы; диаспора; адаптации мигрантов.

Игошева Марина Анатольевна, к. филос. н., доц.
Ростовский государственный университет путей сообщения
igosheva_marina@mail.ru

Этническое предпринимательство в условиях современных миграционных процессов: опыт китайской диаспоры в России

Актуальность темы исследования обусловлена влиянием современных глобализационных процессов на формирование мировой экономической системы, создавшей беспрецедентный уровень взаимозависимости экономик национальных государств и общие правила их функционирования. Наряду со сформировавшимся единым экономическим пространством, сохраняются самобытные формы организации хозяйства, свойственные

локальным традиционным сообществам. Специфика их экономического уклада определяется как социокультурными особенностями народов, так и геоклиматическими условиями их проживания. Значительное влияние на организацию экономической деятельности этноса оказывает этнический фактор, поскольку культура представителей традиционного социума очерчена символическими границами их этнической идентичности.

Противостояние традиционных форм хозяйственной деятельности этнокультурных сообществ унифицирующему воздействию экономической интеграции способствовало появлению в научном дискурсе таких понятий, как этническая экономика и этническое предпринимательство [4]. Исследование данных категорий носит междисциплинарный характер, проявляющийся в обращении к данной проблематике различных наук – экономики, социологии, культурологии, правоведения и др.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие *задачи*: во-первых, проанализировать квалификационную структуру трудовых мигрантов из Китая; во-вторых, рассмотреть сферы их предпринимательской активности в условиях современных миграционных процессов; в-третьих, показать специфику организации китайского предпринимательства в России.

Для осмысления проблемы этнического предпринимательства китайского сообщества в России в статье используются следующие *методы исследования*: интерпретации, сравнения, анализа и обобщения. Методологическую основу составляет конструктивистская парадигма, позволяющая рассматривать этничность как способ организации социокультурного бытия общности на основе выделения ее «символических» границ.

Теоретической базой исследования послужили труды зарубежных авторов И. Лайта, Р. Уолдингера, Х. Олдрича, Р. Уорда, М. Грановеттера и др., в которых рассматриваются причины возникновения этнического предпринимательства и его адаптивный потенциал в инокультурной среде.

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемые в статье особенности этнического предпринимательства представителей китайского сообщества в России могут быть использованы в учебном процессе в рамках преподавания социальной философии, конфликтологии, социологии, политологии, социальной психологии, иных смежных дисциплин для усовершенствования образовательного процесса.

В рамках современного научного дискурса этническое предпринимательство трактуется преимущественно в контексте миграционных процессов и видов экономической деятельности, характерных для мигрантов. К признакам участников данной формы экономической активности исследователи относят локализованность, количественную ограниченность и общую этническую принадлежность. В таком понимании этническое предпринимательство представляет собой определенный вид хозяйственной деятельности, которым занимаются преимущественно представители определенных этнических групп.

Начало исследований в этой области принадлежит таким авторам, как И. Лайт, Р. Уолдінгер, Х. Олдрич, Р. Уорд, М. Грановеттер и др.

Одним из первых к проблеме этнического предпринимательства обратился американский социолог И. Лайт, утверждающий, что мигранты в экономической деятельности активно задействуют этническую принадлежность. С точки зрения исследователя, «этнические ресурсы представляют собой набор культурных характеристик, которые могут быть использованы индивидами, принадлежащими к одной этнической группе, для получения экономической прибыли» [19, р. 201]. К основополагающим этническим ресурсам он относит ценности, коммуникацию и солидарность.

Другие представители американского научного сообщества – Р. Уолдінгер, Х. Олдрич, Р. Уорд, рассматривая механизмы солидарности мигрантов, полагают, что основными причинами возникновения этнического предпринимательства в инокультурной среде являются:

– отсутствие равных условий для осуществления экономической деятельности, что связано с такими трудностями, как «недостаточное владение языком страны, в которую они приехали, неадекватные или неподходящие навыки, возрастные ограничения, дискриминация, ограниченность доступных им видов работ и возможностей заработка» [17, с. 350];

– наличие определенных ниш в экономической сфере принимающего общества, которые в силу малой прибыльности, непостоянного спроса и высоких финансовых рисков предоставляются исключительно для мигрантов. На этом основании можно говорить о том, что мигранты, интегрируясь по этническому принципу, занимают экономически свободное место в иерархии принимающего общества, что свидетельствует о сложившейся в социуме устойчивой социально-профессиональной структуре.

В рамках данного подхода появление этнической формы предпринимательства в миграционной среде обусловлено, с одной стороны, закрытием для мигрантов каналов социальной мобильности; с другой, – влиянием этнического фактора, который определяет и воспроизводит определенные модели экономического поведения.

Профессор Стэнфордского университета М. Грановеттер, анализируя практики деловой активности, организованные по этническому принципу, приходит к заключению, что они функционируют на основе солидарности и отношения доверия, свойственных для семейных связей. Согласно позиции автора, межличностное доверие, основанное на общей этнической идентичности, делает экономическую кооперацию более эффективной [2, с. 84]. Из этого следует, что функционирование субъектов хозяйствования и среда их экономической деятельности в известном смысле этнически определены и находятся под этническим влиянием. Концентрация мигрантов в определенных экономических сферах определяется их общей этнической культурой, облегчающей взаимопонимание в группе и способствующей эффективной координации действий для реализации успешного бизнеса.

Российские исследователи рассматривают этническое предпринимательство как «специфический способ организации и ведения бизнеса этнических меньшинств в инациональной для них среде» [14]. Такой вид экономической активности, с одной стороны, является способом выживания иммигрантов в принимающем обществе, а с другой – социально-психологической и экономической адаптацией. Последнее связано с тем, что мигранты, становясь этническим меньшинством в инокультурном социуме, сталкиваются с трудностями привыкания к новой социально-экономической среде. Ущемленность и социальный дискомфорт заставляют индивидов искать дополнительные ресурсы, одним из которых выступает их этническая идентичность. Опираясь на этничность, индивид устанавливает контакты с представителями своей этнической группы, что позволяет ему решить многие социальные проблемы и определиться с экономической стратегией своего жизнеобеспечения. Коммерческая деятельность является сферой, не предполагающей наличия гражданства, определенного уровня языковой подготовки, квалификации, образования и т.п. Поэтому для большинства мигрантов занятие частным бизнесом или наемным трудом в компаниях представителей своей этнической общности становится наиболее приемлемой формой трудоустройства и интеграции в принимающий социум.

Вместе с тем в большинстве случаев адаптация мигрантов не предполагает их ассимиляцию, напротив, они инкорпорируются исключительно в локальные этнические общины иммигрантов, сложившиеся на территории принимающих государств. Стремление к этнической локализации чаще всего обусловлено такими факторами, как плохое владение языком или незнание его вовсе, низкий квалификационный уровень, неизбежность культурного уклада. По этим причинам происходит обособление мигрантов от местного населения, замыкающее их в границах своей этнокультурной группы. Эта этническая замкнутость распространяется и на сферу трудовой занятости мигрантов.

Российскую Федерацию мощные потоки современной китайской миграции настигли в 90-е гг. XX в. – начало XXI в. Масштабы данного процесса продолжительное время остаются предметом дискуссий по причине несовершенства отечественной системы учета мигрантов. Согласно оценкам экспертного сообщества, в России численность проживающих этнических китайцев по состоянию на 2005 г. составляла почти миллион человек, что соответствовало одиннадцатой позиции среди стран с наибольшим числом иммигрантов из Китая [7].

Дальнейшая динамика китайской миграции в Россию до 2007 г. характеризовалась тенденцией роста, достигшей определенного максимума в 2007-2008 гг. Затем экономический кризис с 2008-2009 гг. и антикризисная программа в стране, включающая мероприятия ужесточения квотирования, привели к спаду миграции, хотя уже с 2011 г. миграционная активность превысила уровень предыдущих лет и в настоящее время имеет положительную динамику (Рисунок 1).

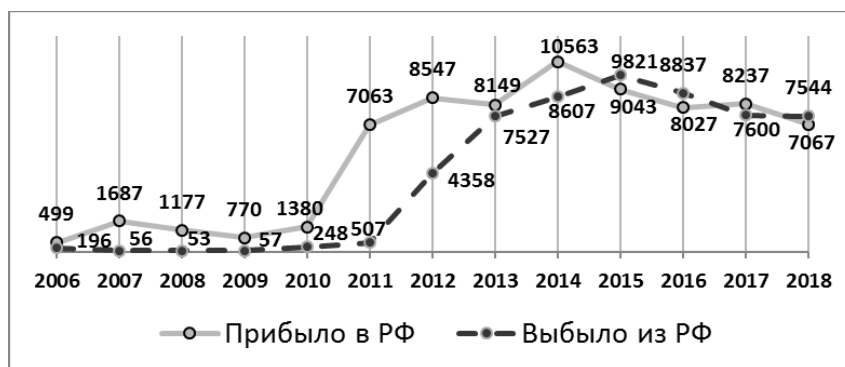

Рисунок 1. Динамика миграционных потоков китайцев в РФ, 2006-2018 гг. (тыс. человек) [13, с. 109-110]

Вместе с тем можно наблюдать тенденцию оттока китайцев из РФ, о чем свидетельствует отрицательное сальдо за период с 2015 г., как это видно из Таблицы 1.

Таблица 1. Сальдо миграции китайских граждан в РФ, 2006-2018 гг. (тыс. человек) [13, с. 109-110]

Период	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Сальдо миграции	303	1631	1124	713	1132	6556	4189	622	1956	-778	-810	637	-477

Интенсивность миграционного потока в обе стороны с 2006 по 2018 гг., возросшего особенно с 2012 г., служит свидетельством того, что основная масса мигрантов, приезжающих в нашу страну на длительные сроки, невелика.

В связи с предметом нашего исследования отдельного внимания заслуживает структура прибывших иностранных граждан из КНР в РФ по целям поездок за последние пять лет, с 2015 по 2019 гг. (Таблица 2). Среди въехавших из Поднебесной за обозначенный период преобладали мигранты, посетившие нашу страну с целью туризма. Их доля возросла с 50,0% в 2015 г. до 70,7% в 2019 г. Следующую позицию заняли деловые поездки, хотя их показатели несколько снизились за обозначенный период с 25,5% до 15,3%. Тенденцию значительного снижения демонстрируют занявшие третье место частные поездки – с 14,1% в 2015 г. до 4,97% в 2019 г.

Таблица 2. Структура миграционного потока из КНР в Россию по целям въезда мигрантов (%) [1]

Цель прибытия	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Деловая	25,5	22,6	19,0	17,8	15,3
Туризм	50,0	56,9	62,2	61,9	70,7
Частная	14,1	11,1	9,5	11,2	4,9
Транзитный проезд	0,1	0,1	0,1	0,2	0,1
ПМЖ	0,0002	0,0005	0,0	0,0	0,0
Обслуживающий персонал	10,1	9,4	9,2	8,9	9,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Анализ структуры прибывших иностранных граждан из КНР в РФ за 2015-2019 гг., согласно данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), наглядно показывает, что в большинстве случаев целью визита указывается туризм. Правдоподобность таких результатов признают некоторые исследователи, объясняя это экономической составляющей, падением курса рубля: выезжать с целью отдыха или совершения покупок стало более выгодно, особенно после 2015 г., чем работать в России [9]. Вместе с тем любопытны комментарии специалистов, объясняющих данный факт тем, что 80% китайских граждан прибывает на территорию России через пограничные переходы в Дальневосточном федеральном округе, где введен безвизовый туристический режим. Это позволяет им высказать предположение, что немалая часть «туристов» скрывает свою истинную цель въезда, являющуюся коммерческой или служебной [11, с. 310].

В результате анализ целей прибытия граждан из Поднебесной в РФ (а также учет их несоответствия истинным намерениям въезда в большинстве случаев), интенсивности миграционных потоков в обе стороны и кратковременности пребывания китайских мигрантов на территории нашей страны позволяет предположить, что миграция из КНР за период с 2015 по 2019 гг. продолжает носить преимущественно временный трудовой характер.

Оценка квалификационной структуры мигрантов из Китая, по данным официальной статистики, позволяет сделать заключение о сравнительно высоком уровне их профессиональной квалификации. Согласно сборнику Росстата «Труд и занятость в России» за 2017 г., китайских трудовых мигрантов, имевших действующее разрешение на работу в 2016 г. (за 2017-2018 гг. информацию о численности иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу, по профессиональным группам Росстат не предоставляет), по профессиональной квалификации можно разделить на пять основных групп:

- первая группа – это руководители предприятий и учреждений, высококвалифицированные специалисты (21%);
- вторая группа – специалисты среднего уровня квалификации (финансово-экономической, административной и социальной сфер, а также сферы услуг и торговли) (10,9%);
- третья группа – профессии квалифицированных рабочих промышленных предприятий (48,9%);
- четвертая группа – неквалифицированные рабочие (3,3%);
- пятая группа – иные профессиональные группы (16,3%) [15, с. 160-161].

Как видно, в квалификационной структуре мигрантов преобладает третья группа, представленная профессиями квалифицированных рабочих. Они заняты в сельскохозяйственном производстве, лесном, охотничьем хозяйстве и рыболовстве, на горно-капитальных, строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах, а также в металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности и др.

Более того, за период с 2011 по 2018 гг. численность высококвалифицированных специалистов из Китая, имевших действующее разрешение на работу в РФ, возросла с 258 до 10408 чел. (соответственно с 3,4% до 22,3%) от всех иностранных высококвалифицированных специалистов [15, с. 162; 16, с. 81].

Следовательно, можно заключить, что за последнее десятилетие наблюдается тенденция изменения квалификационной структуры мигрантов из Китая в сторону увеличения высококвалифицированных специалистов и квалифицированных рабочих, то есть меняется облик китайской экономической миграции.

Большинство специалистов к видам трудовой деятельности выходцев из Поднебесной относят строительство и торговлю, сельское хозяйство и обрабатывающую промышленность [3]. При всем том, что труд мигрантов представлен на всей территории РФ, он имеет выраженный локальный характер. Значительная часть трудовых мигрантов сосредоточена в Москве, а «более половины общей численности китайцев заняты в экономике регионов Сибири и Дальнего Востока» [10, с. 197].

Предпринимательская активность китайцев в России в массовом своем проявлении связана с торговлей. Значительная часть китайской миграции с момента появления в РФ была представлена коммерсантами, в числе которых подавляющее большинство участников народной торговли. Как отмечают китаеведы А. Г. Ларин и Е. Ю. Садовская: «...таким термином... в Китае именуют “неофициальную” (фэйгуаньфан, буквально “нечиновая”) торговлю. Это массовая торговля товарами народного потребления, которую ведут не компании, созданные властями того или иного уровня, а индивидуальные предприниматели... (иными словами, частные фирмы)» [8, с. 109-110]. Начиная с 1990-х годов отличительная характеристика китайской торговли – ориентация на крупные рынки городов России.

С 2007 г. в условиях изменений миграционной политики РФ, преследующей в том числе вытеснение иностранных коммерсантов из розничной торговли, и прежде всего с рынков страны, китайские предприниматели перестроили характер торговли, развивая ее оптовые формы и инициируя создание крупных торговых комплексов.

В строительном секторе китайцы выступают в качестве застройщиков, подрядчиков или наемных рабочих, приезжающих официально по контракту. Они осуществляют свою деятельность во многих городах Сибири и Дальнего Востока, специализируясь в основном на строительстве крупных жилых зданий и общественных сооружений.

В сельскохозяйственной отрасли китайцы занимаются «выращиванием как овощей, так и полевых культур: сои, зерна... риса (частью для внутреннего рынка, частью на экспорт в КНР), животноводством, переработкой сельскохозяйственной продукции, сбором даров природы» [6, с. 70]. Преобладающая часть сельскохозяйственных предпринимателей работают на сезонных работах в Приморском и Хабаровском крае, Амурской области и Еврейской АО.

За последнее десятилетие наметились новые тенденции в предпринимательской активности китайских мигрантов. В частности, мелкий и средний бизнес начал осваивать пищевое производство, ремонт автомобилей, торговлю пиломатериалами, изготовление бытовых принадлежностей и судоремонт [Там же, с. 71].

Особенности организации китайского предпринимательства в России характеризуются концентрацией трудовых мигрантов в малом бизнесе, носящем преимущественно этнический характер: «... в большинстве своем (порядка 82%) китайские мигранты работают в небольших фирмах, предприятиях и организациях с численностью не более 15 работников. Шестая часть китайских мигрантов занята в компаниях среднего размера от 15 до 90 человек персонала. Только 3% трудятся в крупных организациях с численностью персонала более 50 человек» [18, с. 11]. Очевидно, что китайские граждане стараются создавать рабочие места для вновь прибывающих китайцев, а не для иноэтничных представителей, обеспечивая тем самым успешную экономическую адаптацию сограждан в принимающий социум.

Впрочем, такую замкнутость, локализованность, взаимную поддержку мы можем наблюдать у выходцев из Поднебесной и в других странах, тогда как процесс образования диаспоры имеет существенные отличия, характеризующиеся отсутствием разветвленной структуры общин китайских мигрантов на территории РФ до 90-х гг. XX в. Сегодня китайское сообщество находится на ранней стадии формирования. В этой связи исследователи, анализируя способы укоренения китайцев в российском обществе, отмечают тот факт, что если в Москве существует замкнутая и надежно контролируемая система функционирования китайского землячества, то в приграничных городах и сельских местностях подобные структуры частично или даже полностью отсутствуют [12, с. 192]. Причинами такого положения, как нам представляется, выступает целый ряд факторов:

- неустойчивое развитие экономики, снижение темпов экономического роста;
- массовая ксенофобия, недоброжелательное отношение к мигрантам в связи с «китайской угрозой» в России;
- высокий уровень мобильности состава китайского сообщества, внушительная часть которого состоит из временных трудовых мигрантов.

Все это закрепило в массовом сознании китайских мигрантов идею кратковременности их пребывания в России, а как следствие, концентрацию только на предпринимательской активности с целью скорейшего получения прибыли. В данном контексте любопытным является заключение историка П. Н. Калмыкова, отмечающего, что «достижению именно этой цели – созданию наиболее благополучных условий для ведения коммерческой деятельности – был подчинен процесс формирования китайских землячеств в российских городах» [5].

Китайские землячества, возымевшие большое влияние на развитие предпринимательской активности сограждан, сформировались принципиально отличными от сообществ китайского меньшинства в странах Юго-Восточной Азии и на Западе. Земляческие объединения китайских мигрантов в России – это структуры, организованные по профессиональному признаку, а не клановому, что отчасти объясняет слабые их связи между собой. В результате из слабо взаимодействующих между собой землячеств образовалась разветвленная система закрытых китайских общин.

Такая структура позволила усомниться специалистам в корректности употребления термина «диаспора» применительно к выходцам из Китая в России [6, с. 67], хотя бы только потому, что диаспора – это часть этнической общности, постоянно живущая вне своей родины, а потоки из КНР в большей степени состоят из временных трудовых мигрантов. Тем не менее нам представляется, что китайское меньшинство в России демонстрирует основополагающие свойства диаспоры, способной определять характер экономической деятельности мигрантов:

- этническую консолидацию, поддерживающую чувство этнокультурного единства;
- наличие системы закрытых общин, состоящих из слабо взаимодействующих между собой землячеств;
- функционирование китайских землячеств как замкнутых образований с комплексной инфраструктурой, своей прессой, интернет-сайтами и пэйджинговыми станциями;
- формирование группы старожилов, накопивших опыт и имеющих возможность передать его вновь прибывшим;
- функционирование диаспорального института посредников, способствующих скорейшей адаптации мигранта в ином социокультурном пространстве, решению проблем обустройства и преодоления культурного шока и др.

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. Распространение в современном мире такого явления, как этническое предпринимательство, свидетельствует о мощном ресурсном потенциале этничности, который задействуется в процессах экономической адаптации мигрантов в принимающий социум. Принадлежность к определенному этнокультурному сообществу оказывает существенное влияние на экономическое поведение людей.

Экономический потенциал этничности, проявляющийся в форме этнического предпринимательства, обусловлен рядом факторов: исторически сложившимися формами организации хозяйственной деятельности

этноса; сохранением экономического уклада в силу локализации жизни традиционных сообществ; воспроизводством апробированной модели экономического поведения; спецификой экономической культуры, обусловленной ценностными установками локального этнического сообщества.

Экономическая активность китайских мигрантов в России является свидетельством того, что их сообщество, находясь на ранней стадии формирования и принципиально отличаясь от ассоциаций китайского меньшинства в других странах, представляет собой хорошо сплоченное этническое образование, определяющее характер экономической деятельности китайцев на территории принимающего государства. По крайней мере, это касается той части мигрантов из КНР, которые успешно адаптировались на российском рынке труда.

Список источников

1. **Въезд иностранных граждан в РФ (по данным Пограничной службы Федеральной службы безопасности Российской Федерации)** [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38479> (дата обращения: 23.06.2020).
2. **Грановетгер М.** Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 1. С. 76-89.
3. **Зайончковская Ж. А.** Россия и Китай: партнерство на рынке труда [Электронный ресурс]. URL: <http://www.myshared.ru/slide/85662/> (дата обращения: 25.06.2020).
4. **Игошева М. А.** Экономический ресурс этнической идентичности в условиях современных миграционных процессов [Электронный ресурс] // Философская мысль. 2020. № 7. С. 72-84. URL: https://e-notabene.ru/fr/article_33513.html (дата обращения: 28.07.2020).
5. **Калмыков П. Н.** Введение диссертации (часть автореферата) [Электронный ресурс] // Калмыков П. Н. Современная китайская диаспора. Россия в структуре международной китайской миграции: дисс. ... к. ист. н. М., 2013. URL: <https://www.dissercat.com/content/sovremennaya-kitaiskaya-diaspora-rossiya-v-strukture-mezhdunarodnoi-kitaiskoi-migratsii> (дата обращения: 30.07.2020).
6. **Ларин А. Г.** Китайская диаспора в России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 5. С. 65-82.
7. **Ларин А. Г.** Эмиграционный процесс в политике Пекина [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0347/analit04.php> (дата обращения: 19.06.2020).
8. **Ларин А. Г., Садовская Е. Ю.** Китайская миграция на постсоветском пространстве (опыт сопоставительного анализа на примере России и Казахстана) // Восток (Oriens). 2014. № 3. С. 107-119.
9. **Маньшин Р. В., Моисеева Е. М.** Трудовая миграция из Китая в Россию: особенности и перспективы // Молодежь. Семья. Общество: сб. науч. ст. / под общ. ред. Т. К. Ростовской. М.: Перспектива, 2019. С. 114-124.
10. **Мищук С. Н.** Особенности международной трудовой миграции из Китая в Россию (на примере Дальневосточного федерального округа) // Экономика региона. 2014. № 2 (38). С. 194-202.
11. **Новая модель рынка труда России: роль внешних факторов** / под ред. С. В. Рязанцева, В. А. Гневашевой. М.: Экон-информ, 2014. 411 с.
12. **Пальников М. С.** Китайская диаспора в России: современное состояние и перспективы (обзор) // Диаспоры в Европе: новая роль в обществе: сб. науч. тр. / Ин-т научной информации по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР; сост. и ред. Т. С. Кондратьева. М.: ИНИОН РАН, 2009. С. 166-209.
13. **Российский статистический ежегодник. 2019:** стат. сб. М.: Гос. ком. Рос. Федерации по статистике, 2019. 708 с.
14. **Снисаренко А.** Этническое предпринимательство в большом городе современной России (на материалах исследования азербайджанской общины С.-Петербурга) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/44.html> (дата обращения: 03.06.2020).
15. **Труд и занятость в России. 2017:** стат. сб. / Гос. ком. Рос. Федерации по статистике (Госкомстат России). М.: Гос. ком. по статистике, 2017. 261 с.
16. **Труд и занятость в России. 2019:** стат. сб. / Гос. ком. Рос. Федерации по статистике (Госкомстат России). М.: Гос. ком. по статистике, 2019. 135 с.
17. **Уолдингер Р., Олдрич Х., Уорд Р.** Этнические предприниматели // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В. В. Радаев; пер. М. С. Добряковой и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 340-365.
18. **Хунмэй Я.** Китайская миграция в Россию: тенденции, последствия и подходы к регулированию: автореф. дисс. ... к. экон. н. М., 2008. 19 с.
19. **Light I.** Immigrant and Ethnic Enterprise in North America // Ethnic and Racial Studies. 1984. Vol. 7. № 2. P. 195-216.

Ethnic Entrepreneurship under Current Migration Situation: Experience of the Chinese Diaspora in Russia

Igosheva Marina Anatolievna, PhD
Rostov State Transport University
igosheva_marina@mail.ru

The paper aims to reveal specificity of the Chinese ethnic entrepreneurship in Russia. The article analyses recent official statistics on qualification structure of the Chinese labour migrants, identifies spheres of their entrepreneurial activity under the current migration situation. It is shown that the Chinese entrepreneurial activity in Russia is basically carried out in the sphere of small business, which has ethnic nature. Scientific originality of the study involves analysing ethnic entrepreneurship as a form of economic activity of local communities in foreign cultural space by the example of the Chinese labour migrants. The conclusion is made that ethnic entrepreneurship is an efficient mechanism of migrants' economic adaptation in the recipient society.

Key words and phrases: ethnic identity; ethnic entrepreneurship; migration processes; diaspora; migrants' adaptation.